

В.В. Хасанова^{1*}, А.Р. Шегебаева²

¹*Актюбинский юридический институт Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Букенбаева,
г. Актюбе, Республика Казахстан*

²*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан,
г. Косшы, Республика Казахстан*

УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ, КЛАССИФИКАЦИЯ, МЕРЫ УГОЛОВНО- ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуются основные параметры характеристики уголовных правонарушений против информационной безопасности несовершеннолетних, а также обосновывается методология теоретической и практико-ориентированной классификации посягательств данного вида. Отсутствие в казахстанском уголовном законе самостоятельной группы (групп) уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних, расценивается как заметный пробел.

С учетом темпов возрастания роли информационно-коммуникационного фактора в криминальной детерминации и поведении обоснована практическая целесообразность и востребованность обособления отдельной группы (групп) уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних. При этом за основу принята позиция, что сопоставление понятия «информационная безопасность» только с фактором информационно-коммуникационного воздействия исключает из сферы исследования и учета значительную группу уголовных правонарушений данного вида.

Ключевые слова: информационная безопасность; несовершеннолетний; уголовное правонарушение; информационное воздействие; объект преступления; классификация; сепарирование; виктимологическая профилактика; особые требования; посткриминальная стадия.

В.В. Хасанова¹, А.Р. Шегебаева²

¹*Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің М. Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институты,
Ақтөбе қ., Қазақстан Республикасы*

²*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары Академиясы,
Қосшы қ., Қазақстан Республикасы*

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРДЫҢ АҚПАРАТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІГІНЕ ҚАРСЫ ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ БҰЗУШЫЛЫҚТАР: ТАЛДАУ, ЖІКТЕУ, ҚЫЛМЫСТЫҚ- ҚҰҚЫҚТЫҚ ШАРАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада кәмелетке толмағандардың ақпараттық қауіпсіздігіне қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтарды сипаттайтын негізгі параметрлер зерттеліп, осы түрдегі қол сұғушылықтарды теориялық және практикалық-бағдарлы жіктеудің әдіснамасы негізделді. Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында кәмелетке толмағандарға теріс ақпараттық ықпал етумен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтардың дербес тобының (топтарының) болмауы елеулі олқылық ретінде бағаланады.

Қылмыстық детерминация мен мінез-құлықтағы ақпараттық-коммуникациялық фактор рөлінің арту қарқынын ескере отырып, кәмелетке толмағандарға теріс ақпараттық ықпал етумен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтардың жеке тобын (топтарын) бөліп қарастырудың практикалық тұрғыдан орындылығы мен қажеттілігі негізделді. Бұл ретте «ақпараттық қауіпсіздік» ұғымын тек ақпараттық-коммуникациялық ықпал ету факторымен байланыстыру осы түрдегі қылмыстық құқық бұзушылықтардың елеулі тобын зерттеу және есепке алу аясынан тыс қалдырады деген ұстаным негізге алынады.

Түйінді сөздер: ақпараттық қауіпсіздік; кәмелетке толмаған адам; қылмыстық құқық бұзушылық; ақпараттық ықпал ету; қылмыстық құқық бұзушылық объектісі; жіктеу; бөліп қарастыру; виктимологиялық профилактика; ерекше талаптар; посткриминалдық кезең.

V.V. Khassanova¹, A.R. Shegebayeva²

¹The Aktobe Law Institute The Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, Aktobe, the Republic of Kazakhstan

²The Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, the Republic of Kazakhstan

CRIMINAL OFFENSES AGAINST THE INFORMATION SECURITY OF MINORS: ANALYSIS, CLASSIFICATION, AND CRIMINAL-LAW RESPONSE MEASURES

Abstract. The article examines the main parameters characterizing criminal offenses against information security of minors and substantiates the methodology for theoretical and practice-oriented classification of this type of encroachment. The absence in the Kazakh criminal law of an independent group (groups) of criminal offenses related to negative information influence on minors is regarded as a significant gap. Considering the increasing role of the information and communication factor in criminal determination and behavior, the practical feasibility and demand for separating a distinct group (groups) of criminal offenses related to negative information influence on minors are substantiated.

At the same time, the article adopts the position that comparing the concept of «information security» only with the factor of information and communication influence excludes a significant group of criminal offenses of this type from the scope of research and consideration.

Keywords: information security; minor; criminal offense; information impact; crime object; classification; separation; victimological prevention; special requirements; post-criminal stage.

Введение. В контексте уголовно-правового механизма обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних достаточно сложно определиться с кругом деяний, криминализированных действующим уголовным законодательством, которые можно отнести к релевантной группе общественно опасных посягательств, в качестве объекта которых выступает именно информационная безопасность несовершеннолетних. При этом данный самостоятельный объект уголовно-правовой охраны вообще не обособляется в структуре Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК). Вместе с тем в статье 3 УК РК сконструирован ряд перечней составов уголовных правонарушений, которые вне достаточно статичной структуры УК РК, основанной на категории «родовой объект преступления», образуют самостоятельные общности деяний, объединенные неким внеструктурным объектом (данный термин вполне обоснованно введен в научный оборот казахстанским исследователем Ж.Б. Жолжаксыновым) [1; 91].

В уголовно-правовой теории категория объекта преступления по-прежнему остается одной из наиболее изучаемых, что совершенно обоснованно: объект преступления является базовой категорией, определяющей качественную характеристику того или иного уголовно-правового запрета. В этом смысле показательным является исследование В.В. Мальцева, в котором раскрывается значение объекта преступления для конструирования различных видов составов преступлений [2]. С.И. Улезько предложил категорию «интегрированный объект», призванную отразить объединение в рамках одной структурной единицы уголовного закона весьма разнородных по своему характеру деяний [3; 110]. Вместе с тем ранее упомянутый «внеструктурный объект» определяется тем, что он формируется не в контексте структуры уголовного закона, а по совершенно иным параметрам объединения деяний в группы, что стало весьма характерным для казахстанского уголовного закона.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного и иного законодательства РК, регулирующие вопросы информационной безопасности, защиты несовершеннолетних от вредоносной информации и профилактики правонарушений; официальные статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК о несовершеннолетних потерпевших за 2025 год; отечественная и

зарубежная научная литература по вопросам трактовки объекта преступления, понятия информационной безопасности несовершеннолетних, онлайн-рисков, кибербуллинга, виктимизации и посткриминальной защиты несовершеннолетних потерпевших.

Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, статистический методы, а также методы доктринального анализа, классификации, типологизации. Формально-юридический метод позволил предметно исследовать нормы действующего УК РК, касающиеся уголовно-правовых запретов в отношении негативного информационного воздействия на несовершеннолетних и сформулировать предложения по дополнению редакции статьи 98-3 УК РК; системно-структурный метод дал возможность подкрепить уголовно-правовые вопросы психолого-криминологическими и иными аспектами; доктринальный анализ применялся при исследовании современных теоретических подходов к формированию действенного механизма предупреждения и посткриминальной защиты несовершеннолетних, пострадавших от негативного информационного воздействия. Методы классификации и типологизации дали возможность обосновать самостоятельные группы уголовных правонарушений, связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних, для их включения в структуру статьи 3 УК РК.

Результаты, обсуждение. К настоящему времени казахстанский законодатель в статье 3 УК РК сконструировал следующие группы уголовных правонарушений, объединенных именно «внеструктурным» объектом: 1) преступления, связанные с торговлей людьми (п. 1-1); 2) преступления, связанные с насилием в отношении несовершеннолетних (п. 18-1); 3) коррупционные преступления (п. 29); 4) террористические преступления (п. 40); 5) экстремистские преступления (п. 39); 6) преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (п. 42)¹. В этой связи есть все основания для постановки вопроса о формировании самостоятельного перечня уголовных правонарушений, связанных с посягательствами на информационную безопасность несовершеннолетних, особенно если он будет способствовать определенной систематизации мер уголовно-правового воздействия. Так, к примеру, отдельные вопросы «информационного дистанцирования» уже поднимались в работах казахстанских исследователей, однако они касаются преимущественно частных вопросов посткриминальных практик [4; 17].

Последовательный анализ норм уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что к перечню преступлений, связанных с посягательством на информационную безопасность несовершеннолетних, может быть отнесено значительное количество составов преступлений. Для удобства восприятия и оценки данный перечень можно ранжировать по специфике негативной информации и ее последствиям для потерпевшего: 1) информация, способствующая деликтолизации и (или) криминализации несовершеннолетнего лица (ст.ст. 132, 133, 134, 299, 299-1, 312, 404 УК РК); 2) информация, приводящая к психическому напряжению, психологической фрустрации, в т.ч. к проявлению различных форм аутоагрессии (ст.ст. 105, 119, 140, 141, 313-1 УК РК); 3) информация, формирующая у несовершеннолетних лиц различные формы социально-деструктивного мышления и поведения (ст.ст. 174, 179, 180, 182, 183, 256, 259 УК РК); 4) информация, оказывающая негативное воздействие на нравственные основы личности несовершеннолетнего лица (ст.ст. 121-1, 124, 144; 313, 316 УК РК). В приведенной классификации следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что негативное информационное воздействие усматривается не только в деяниях, механизм которых предполагает использование информационно-коммуникационных ресурсов, но и в тех посягательствах, которые совершаются в режиме оффлайн. Кроме того, за основу принимается

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=31575252.

также выраженная негативная «сигнальная» функция целого ряда форм криминального поведения, то есть уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних рассматривается в широком аспекте.

Как показывает анализ зарубежных источников по рассматриваемому вопросу, классификация посягательств на информационную безопасность несовершеннолетних преимущественно базируется на криминологическом критерии, нежели на формализованном определении составов преступлений в уголовном законе. В частности, через категорию онлайн-рисков для детей выделяют сексуализированное и иное агрессивное воздействие, а в рамках видовой дифференциации – кибербуллинг, «контакт с незнакомцем», сексуализированную переписку (sexting), порнографию [5]. В некоторых публикациях осуществляется сопоставление сексуализированного воздействия и кибербуллинга [6], в других приводится развернутая типологизация кибербуллинга на следующие виды: публикация враждебных, запугивающих сообщений (flaming или roasting); оскорбительное преследование (harassment); унижение (denigration); распространение порочащих сведений (defamation); разглашение личной информации (outing); оскорбительные шутки (jokes); онлайн-сексуальные домогательства; навязчивое онлайн-преследование (cyberstalking) [7]. На базе рисков строится также иная классификация, ориентированная на младшие возрастные группы: просмотр неприемлемого или «взрослого» контента, кибербуллинг, взаимодействие с незнакомцами, доступ к материалам и играм, не соответствующим возрасту, ненадлежащий маркетинг, давление с целью понуждения к передаче фото или личных сведений, а также иные формы негативного «интернет-опыта» [8]. При этом прямо отмечается, что наиболее разработаны к настоящему времени вопросы сексуализированного онлайн-воздействия, остальные формы по-прежнему остаются недостаточно ранжированными [9].

Однако ранее отмеченная практика казахстанского законодателя все-таки представляется более удачным решением вопроса. При этом следует определиться с понятием «информационная безопасность», поскольку, несмотря на значительное количество источников по вопросам защиты несовершеннолетних, данный термин нечасто подвергается авторской дефиниции. Большинство исследований, касающихся информационной безопасности несовершеннолетних, ориентированы преимущественно на оценку воздействия информационно-коммуникационных ресурсов, включая сеть Интернет. Действительно, массовое информационное воздействие потенциально более опасно, но только исключительно в контексте количественного фактора потенциальных пострадавших; однако информационное воздействие офлайн обладает собственными параметрами общественной опасности, которые применительно к конкретной ситуации могут представлять собой даже более опасные формы.

В большинстве теоретических исследований термин «информационная безопасность несовершеннолетних» определяется через категорию «состояние защищенности» [10; 181]; [11; 18], а отличаются данные определения в основном описательным конструктом. В отдельных исследованиях понятия информационной безопасности несовершеннолетних вообще используются как обобщенные дефиниции, не учитывающие специфику подростковой ментальности [12; 274]. В соответствии с пунктом 5 статьи 4 Закона РК № 527-IV от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан» информационная безопасность определяется как «состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина, общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны»². Понятие «информационная

² О национальной безопасности Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 6 янв. 2012 г. № 527-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527>.

безопасность» используется также и в пункте 7 статьи 1 Закона РК № 418-V «О кибербезопасности», однако в данном случае предполагается исключительно технологический аспект³. В специальном законодательном акте, касающемся вопросов защиты детей от вредоносной информации, указано, что «информационная безопасность детей» должна оцениваться как «обеспечение защиты прав и законных интересов детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴. Таким образом, объединяющим признаком во всех этих определениях является акцент на том, что информационная безопасность несовершеннолетних представляет собой состояние защищенности от вредоносного информационного воздействия (в Законе РК № 169-VI от 2 июля 2018 г. понятие оценивается как некий механизм, однако в рамках анализируемого аспекта все-таки более релевантно понимание именно как состояния защищенности).

По результатам проведенного исследования более верным и полным определением понятия «информационная безопасность» представляется следующее: *совокупность инструментов, разработанных и применяемых для обеспечения сепарирования несовершеннолетних лиц от информации негативно-деструктивного свойства, определения круга лиц, ответственных за нарушение запретов, связанных с информационным воздействием на несовершеннолетних лиц, а также для последующих восстановительно-реабилитирующих мероприятий в отношении лица, пострадавшего от данного воздействия*. При отсутствии претензий на универсальность данного определена, следует отметить отдельные значимые признаки, которые существенным образом отличают его от всех ранее приведенных: 1) указание именно на сепарирование несовершеннолетних от вредоносной информации, что гораздо конкретнее отражает специфику соответствующего механизма, нежели обобщенный термин «защита», поскольку требуется именно сепарация, а не осуществление иных мероприятий защитного характера (разъяснение, подготовка к восприятию, формирование устойчивости и т.д.); 2) акцент на том, что информационная безопасность предполагает также и выявление лиц, которые своим общественно опасным поведением допустили нарушение благополучия несовершеннолетнего лица; 3) в понятие информационной безопасности включаются также меры посттравматической поддержки несовершеннолетнего лица.

Возвращаясь к ранее представленной классификации, следует отметить, что все включенные в нее составы могут быть одновременно поделены на 2 большие группы, которые уже могут подвергаться более предметной оценке именно с точки зрения применения тех или иных защитных правовых механизмов. Критерием данной группировки будет выступать такой признак, как адресность или неопределенность информационного воздействия. Исходя из данного критерия к первой группе (адресного информационного воздействия) должны быть отнесены статьи 105, 115-1, 119, 121-1, 132, 133, 134, 140, 141, 144, 259, 299, 299-1 УК РК (ст. 316 УК РК также в целом, может быть отнесена к данной группе). Остальные уголовные правонарушения, включенные в сконструированный ранжированный перечень, следует отнести к деяниям, оказывающим негативное информационное воздействие в отношении неопределенного круга лиц.

В рамках данной статьи не ставится задача сопоставления понятий «потерпевший» и «жертва», поскольку в теории уже сложился консенсус относительно более широкого объема второго понятия. Если же обратиться к статданным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по потерпевшим в рамках представленного перечня за 2025 год, то по статьям 115-1, 133, 144, 259, 299, 299-1, 316 УК РК данные по

³ О кибербезопасности: закон Республики Казахстан от 24 нояб. 2015 г. № 418-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418>.

⁴ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: закон Республики Казахстан от 2 июля 2018 г. № 169-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000169>.

количеству потерпевших несовершеннолетних представлены нулевыми показателями (при этом по ст. 316 УК РК вопрос об установлении потерпевшего вообще является неоднозначным). В контексте статей 121-1, 124, 132, 134, 140, 141, исходя из характера посягательств, в качестве потерпевших выступают исключительно несовершеннолетние. По иным статьям пропорциональные данные представлены следующим образом (первая цифра – количество, в скобках – процент по отношению к общему количеству пострадавших физических лиц): статья 105 – 80 (21,4%); статья 119 – 4 (3,1%)⁵. Учитывая то обстоятельство, что общий процент потерпевших-несовершеннолетних за 2025 год составил чуть менее 4%, следует признать, что в рамках статьи 105 УК РК показатель является критически высоким.

Специфика составов, которые включают деяния, сопряженные с негативным информационным воздействием на неопределенный круг лиц, заключается в том, что в каждом конкретном случае будет достаточно сложно установить, имеются ли пострадавшие от этих действий из числа несовершеннолетних. В связи с этим в данном случае уголовно-правовые меры противодействия ограничиваются самим законодательным запретом, а весь спектр профилактических мероприятий находится в сегменте иных приемов воздействия. При этом казахстанскими авторами высказывается мнение, что для повышенной защиты несовершеннолетних в уголовно-правовой сфере необходимо универсальное указание данного возрастного параметра потерпевшего («несовершеннолетний») в перечне обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность и наказание, а не только параметра «малолетний», как имеет место в действующей редакции пункта 7 части 1 статьи 54 УК РК [13; 171]. Совершенно иначе обстоит дело с приведенным перечнем, в рамках которого предполагается адресное негативное информационное воздействие. Анализ механизма любого из деяний, включенных в перечень, приводит к закономерному выводу, что они преимущественно предполагают продолжаемое воздействие (хотя возможны и одноактные действия). В ряде случаев длительность негативно-информационного воздействия может достигать критических величин (в частности, по ст.ст. 105, 115-1, 119, 124 и др.). И в подобных ситуациях между виновным лицом и потерпевшим образуется особое негативное взаимодействие, которое может не прерваться даже по факту обнаружения виновного лица и его привлечения к уголовной ответственности. Конечно же, в посткриминальной стадии воздействие, скорее всего, будет иметь другое содержательное наполнение (например, запугивание, угрозы относительно опровержения ранее данных показаний и т.п.), однако оно по-прежнему будет иметь характер негативного информационного давления.

В контексте анализируемого аспекта обратимся к конструкции статьи 98-3 УК РК, введенной Законом РК от 15 апреля 2024 года № 72-VIII⁶, согласно которой к лицу, признанному виновным, при назначении наказания либо при освобождении от уголовной ответственности или наказания судом могут быть установлены особые требования к поведению на срок от 3 месяцев до 1 года. Данная статья фактически является свидетельством того, что определенный каркас для обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних лиц в посткриминальной стадии имеется. Здесь следует с сожалением констатировать, что в пункте 21 статьи 1 Закона РК № 245-VIII от 30 декабря 2025 года «О профилактике правонарушений» понятие «виктимологическая профилактика» ограничивается указанием на предупреждение рисков стать потерпевшим от преступления, не распространяя его на предупреждение повторной травматизации и виктимизации. Это идет вразрез с устоявшимся пониманием в

⁵ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // Правовая статистика [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 11.06.2026).

⁶ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей: закон Республики Казахстан от 15 апр. 2024 г. № 72-VIII [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072> (дата обращения: 11.06.2026).

виктимологической науке относительно того, что важна профилактика не только первичной, но вторичной виктимности [14; 54]. В обоснование важности распространения виктимологической профилактики на посткриминальную стадию исследователи в качестве примера приводят в том числе конкретные случаи, когда отсутствие должной защиты приводило к совершению повторного, более тяжкого преступления в отношении того же потерпевшего [15; 19].

Применительно к ранее упомянутой статье 98-3 УК РК обращает на себя внимание формулировка особого требования к поведению в пункте 1 части 1: «вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего, вести устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи»⁷. Здесь обращают на себя внимание следующие обстоятельства: во-первых, соответствующее особое требование к поведению явно ориентировано на случаи семейно-бытового насилия, хотя на это нет соответствующего прямого указания; во-вторых, особо следует обратить внимание на формулировку «вопреки воле потерпевшего», которая применительно к несовершеннолетним потерпевшим едва ли может быть признана удовлетворительной.

В данном случае следует учитывать особые параметры оценки несовершеннолетних в качестве жертв преступлений, в том числе в контексте негативного информационного воздействия. Как на предкриминальной стадии обычно отмечается особая категория виктимности несовершеннолетних в плане негативного информационного воздействия в силу самых различных факторов, обусловленных возрастом, так и в посткриминальном периоде отмечается гораздо большая предрасположенность стать жертвой в будущем [16; 9]. Тема посткриминальной поддержки несовершеннолетних после негативного информационного воздействия (в особенности, преступлений сексуализированного характера, совершенных онлайн) очень активно поднимается в зарубежных публикациях. В частности, отмечается необходимость удаления из сети фото и изображений интимного характера, а также принудительное удаление аккаунта правонарушителя (что, очевидно, должно снизить риски дальнейших контактов) [17]. Интересны также мнения относительно того, что последствия воздействия онлайн часто являются более пролонгированными в посткриминальной стадии, чем последствия от офлайн-посягательств (авторы отмечают, что 72,2% профильных специалистов в противодействии сексуализированному насилию указали на данное обстоятельство) [18]. Заключительный акцент особенно значим в контексте данного теоретического анализа, поскольку он свидетельствует о значимости принятия мер на посткриминальной стадии и может служить основой для формулировки ключевых выводов в рамках данной статьи.

Заключение. Итогом осуществленного в статье анализа являются следующие основные выводы. Во-первых, имеются все основания к тому, чтобы в статье 3 УК РК сформулировать обособленный перечень преступлений, обязательно или потенциально связанных с негативным информационным воздействием на несовершеннолетних. Во-вторых, статья 98-3 УК РК должна быть дополнена новой частью 1-1 следующего содержания: *«При совершении уголовного правонарушения, сопряженного с негативным информационным воздействием на несовершеннолетнего, если действия виновного лица носили неоднократный характер, устанавливается особое требование к поведению данного лица в виде запрета на любые формы контактов с потерпевшим, независимо от воли последнего».*

⁷ Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=31575252.

Список использованной литературы:

1. Жолжаксынов, Ж.Б. Насильственные преступления и пути их предупреждения: дис. ...д-ра философ. (PhD): 6D030300 / Ж.Б. Жолжаксынов. – Караганда, 2019. – 216 с.
2. Мальцев, В.В. Объект преступления в уголовном законодательстве и в теории уголовного права: постановка проблемы / В.В. Мальцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2010. – № 2 (13). – С. 136-145.
3. Улезько, С.И. Основы классификации объекта преступления по вертикали в современном российском уголовном праве / С.И. Улезько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 1. – С. 108-111.
4. Базарбаева, А.Б. Пробационный контроль: проблемы теории, законодательства и практики: дис. ... д-ра философ. (PhD): 6D030300 / А.Б. Базарбаева. – Костанай, 2024. – 215 с.
5. Livingstone, S. Annual Research Review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age / S. Livingstone, et al. // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2014. – № 55 (6). – Pp. 635-654.
6. Copp, J.E. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens: Prevalence, predictors, and consequences / J.E. Copp, E.A. Mumford, B.G. Taylor // Journal of Adolescence. – 2021. – № 93. – Pp. 202-211.
7. Zhang, W. Cyberbullying definitions and measurements in children and adolescents: Summarizing 20 years of global efforts / W. Zhang, et al. // Frontiers in Public Health. – 2022. – Vol. 10. – Art. 1000504.
8. Gath, M. Digital media in early childhood: risk factors for online harm and psychosocial correlates / M. Gath, C. Swit // Frontiers in Developmental Psychology. – 2024. – Vol. 2. – Art. 1390276.
9. Sampedro-Ferreirós, L. Technology-Facilitated Sexual Violence among Adolescents and Young People: A Systematic Review of Reviews [Электронный ресурс]. / L. Sampedro-Ferreirós, et al. // Adolescent Research Review. – 2026. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-026-00281-x>.
10. Сустина, Т.И. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества: дис. ...канд. юрид. наук / Т.И. Сустина. – М., 2023. – 234 с.
11. Сеидов, Р.З. Административно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет»: дис. ...канд. юрид. наук / Р.З. Сеидов. – М., 2025. – 321 с.
12. Дзанагова, М.К. Информационная безопасность несовершеннолетних: понятие и принципы / М.К. Дзанагова, М.М. Бетева // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 273-274.
13. Филипец, О.Б. Некоторые вопросы ужесточения уголовной ответственности и наказания за посягательства на несовершеннолетних / О.Б. Филипец // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2024. – № 2 (32). – С. 168-174.
14. Майоров, А.В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности: монография / А.В. Майоров. – Челябинск, 2013. – 182 с.
15. Гарманов, В.М. Значение предупреждения вторичной виктимизации потерпевших в деятельности сотрудников полиции / В.М. Гарманов // Виктимология. – 2015. – № 3 (5). – С. 18-23.
16. Аптиева, Л.Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий / Л.Р. Аптиева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2020. – № 1 (224). – С. 6-13.
17. Mathews, B. Disclosure of online child sexual victimisation: Findings from the Australian Child Maltreatment Study / B. Mathews, et al. // Child Abuse & Neglect. – 2025. – № 165. – 107493.
18. Hamilton-Giachritsis, C. Technology assisted child sexual abuse: Professionals' perceptions of risk and impact on children and young people / C. Hamilton-Giachritsis, et al. // Child Abuse & Neglect. – 2021. – № 19 (Part 1). – 104651.

References:

1. Zholzhaksynov, Zh.B. Nasil'stvennye prestupleniya i puti ih preduprezhdeniya: dis. ...d-ra filosof. (PhD): 6D030300 / Zh.B. Zholzhaksynov. – Karaganda, 2019. – 216 s.
2. Mal'cev, V.V. Ob'ekt prestupleniya v ugovnom zakonodatel'stve i v teorii ugovnogo prava: postanovka problemy / V.V. Mal'cev // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudenciya. – 2010. – № 2 (13). – S. 136-145.
3. Ulez'ko, S.I. Osnovy klassifikacii ob'ekta prestupleniya po vertikali v sovremennom rossijskom ugovnom prave / S.I. Ulez'ko // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. – 2011. – № 1. – S. 108-111.
4. Bazarbaeva, A.B. Probacionnyj kontrol': problemy teorii, zakonodatel'stva i praktiki: dis. ... d-ra filosof. (PhD): 6D030300 / A.B. Bazarbaeva. – Kostanaj, 2024. – 215 s.
5. Livingstone, S. Annual Research Review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age / S. Livingstone, et al. // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2014. – № 55 (6). – Pp. 635-654.
6. Copp, J.E. Online sexual harassment and cyberbullying in a nationally representative sample of teens:

Prevalence, predictors, and consequences / J.E. Copp, E.A. Mumford, B.G. Taylor // *Journal of Adolescence*. – 2021. – № 93. – Pp. 202-211.

7. Zhang, W. Cyberbullying definitions and measurements in children and adolescents: Summarizing 20 years of global efforts / W. Zhang, et al. // *Frontiers in Public Health*. – 2022. – Vol. 10. – Art. 1000504.

8. Gath, M. Digital media in early childhood: risk factors for online harm and psychosocial correlates / M. Gath, C. Swit // *Frontiers in Developmental Psychology*. – 2024. – Vol. 2. – Art. 1390276.

9. Sampedro-Ferreirós, L. Technology-Facilitated Sexual Violence among Adolescents and Young People: A Systematic Review of Reviews [Elektronnyj resurs]. / L. Sampedro-Ferreirós, et al. // *Adolescent Research Review*. – 2026. – Rezhim dostupa: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-026-00281-x>.

10. Sustina, T.I. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih v uslovijah cifrovoj transformacii obshhestva: dis. ...kand. jurid. nauk / T.I. Sustina. – M., 2023. – 234 s.

11. Seidov, R.Z. Administrativno-pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih v seti «Internet»: dis. ...kand. jurid. nauk / R.Z. Seidov. – M., 2025. – 321 s.

12. Dzanagova, M.K. Informacionnaja bezopasnost' nesovershennoletnih: ponjatie i principy / M.K. Dzanagova, M.M. Beteeva // *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. – 2020. – № 3 (183). – S. 273-274.

13. Filipec, O.B. Nekotorye voprosy uzhestochenija ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya za posjagatel'stva na nesovershennoletnih / O.B. Filipec // *Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы*. – 2024. – № 2 (32). – S. 168-174.

14. Majorov, A.V. Konceptual'nye osnovy viktimologicheskogo protivodejstviya prestupnosti: monografija / A.V. Majorov. – Cheljabinsk, 2013. – 182 s.

15. Garmanov, V.M. Znachenie preduprezhdeniya vtorichnoj viktimizacii poterpevshih v dejatel'nosti sotrudnikov policii / V.M. Garmanov // *Viktimologija*. – 2015. – № 3 (5). – S. 18-23.

16. Aptikieva, L.R. Posledstviya psihologicheskogo nasiliya dlja raznyh vozrastnyh kategorij / L.R. Aptikieva // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 1 (224). – S. 6-13.

17. Mathews, B. Disclosure of online child sexual victimisation: Findings from the Australian Child Maltreatment Study / B. Mathews, et al. // *Child Abuse & Neglect*. – 2025. – № 165. – 107493.

18. Hamilton-Giachritsis, C. Technology assisted child sexual abuse: Professionals' perceptions of risk and impact on children and young people / C. Hamilton-Giachritsis, et al. // *Child Abuse & Neglect*. – 2021. – № 19 (Part 1). – 104651.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Виктория Валентиновна Хасанова – Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігі М. Бөкенбаев атындағы Ақтөбе заң институтының әкімшілік құқық және ПО әкімшілік қызмет кафедрасы бастығының орынбасары, заң ғылымдарының магистрі, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Хасанова Виктория Валентиновна – заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД Актюбинского юридического института Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени М. Буkenbayeva, магистр юридических наук, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Khassanova Victoriya Valentinovna – Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbayev, Master of Law Sciences, e-mail: vikakiper85@bk.ru, orcid.org/0000-0001-5579-1565.

Айгерім Рысбайқызы Шегебаева – Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру институтының арнайы заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.

Шегебаева Айгерім Рысбаевна – старший преподаватель кафедры специальных юридических дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.

Shegebaeva Aigerim Rysbayevna – Senior Lecturer at the Department of Special Legal Disciplines of the Institute of Postgraduate Education of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, e-mail: shegebaeva_1985@mail.ru, orcid.org/0009-0003-1318-3635.